

С М Е Ч Т О Й ОБ ИДЕАЛЬНОМ

Имя это на афишах магнитом притягивает внимание людей. И зал рукоплещет, когда она выходит на сцену. И ей дарят цветы. И задают множество вопросов. И каждый раз порываются рассказать о чем-то своем. Хотя десятилетия отделяют нас от знаменитых фильмов И. А. Пыррева «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки»,—фильмов с участием лауреата Государственных премий СССР Марины Ладониной. Более двадцати лет актриса не снимается в кино. Всего в двух спектаклях — «Варвары» М. Горького и «Русские люди» К. Симонова—можно увидеть ее в Театре-студии киноактера.

И тем настойчивее было желание повести разговор о героинях экрана 70—80-х, о творчестве, мастерстве, о путях обретения гармонии в себе самом и экранных своих созданиях кинохудожником наших дней именно с ней, идеально воплотившей на экране 30—40-х годов образ своей современницы. И я прошу ее рассказать о встречах со зрителями.

— Недавно я ездила в Иваново. Концерты проходили при аншлагах. В последний вечер перед дорогой я зашла поужинать в ресторан. В зале на втором этаже гремел ультрасовременный оркестр, шел ансамбль, все танцевали. С огромным интересом смотрела я на разнообразные туалеты девушек, многие из них были в брюках и сапогах на высоких каблуках, с распушенными волосами, с отличным гримом на лице,— в те годы, когда я играла деревенских девушек, о таком не имели и представления. Меня устраивало, что я могу спокойно наблюдать за происходящим. И вдруг ко мне подошел девушка, говорит, что она была на концерте, ей было очень интересно... Для меня это было неожиданно, потому что в эти минуты я переживала острое чувство отдаленности от всей этой новой для меня среды. И так же неожиданно, поймите, мой рассказ не относится к актерскому тщеславию, я вдруг почувствовала, как мне близка эта девушка, и я—ей сейчас. Я увидела в ней ту цельность, глубину и душевную чистоту, которые были дороги мне в моих героинях.

Я убеждена, что зрительный зал по накалу темперамента восприятия искусства—он выше всех находящихся на сцене! Если он заразитесь хоть каплей чувства, то этот флюид идет, как какой-то чудо-луч, заражая и тебя, актера. Так было у нас на одном из концертов в Новомосковске, артист Сергей Мартинсон вышел, и—зал встал. Настоящее всегда зажигает.

Я иногда думаю, что привлекает людей к актеру, уже не снимающемуся в кино. Ну те, кто постарше, вспоминают молодость. А молодые? Эти красавицы, о которых я говорила, многих из них можно было бы прямо снимать в кино. Возьмем экран—он полон западными эффектными дивами... И вдруг эти простые, босоногие девушки, в рабочих фартуках, с граблями и ведрами, с поросятами и охотками поленев! Казалось бы, они должны затеряться? Но почему их вызывают из прошлого человеческие сердца? Почему, почему, почему—задаю я себе вопрос... И думаю, что, наверное, если искусство утверждает красоту внутренней и духовной жизни, то оно всегда необходимо, как воздух. Все хотя бы верности, преданности, счастья. И причина, конечно, в режиссере, который сумел на обыкновен-

ном материале человеческой жизни, иногда даже при слабой драматургии, все это проявить. Иван Александрович Пыррев сплотил ансамбль таких актеров, которые все это несли в себе, в актерских личностях было заложено то, о чем хотели сказать авторы фильма.

Вот я читаю с эстрады Бернса, и его стихи кажутся мне удивительно созвучными картинам Пыррева. Да, наверное, человек не может расстаться с мечтой об идеальном, и в этом—все дело.

Замечательная актриса Лидия Сухаревская, с которой мы дружны, назвала меня максималисткой. Я не знала за собой этого качества, но со временем поняла, что я его, пожалуй, не лишена. И если мне очень нравилась актриса в какой-то роли, я становилась преданной поклонницей, легко прощающей и неудачи. Так когда-то я влюбилась в Татьяну Самойлову, в это лицо магнетической красоты. Я была в числе тех, кто принял ее в роли Анны Карениной в фильме Зархи. Помню ее Таню из пьесы Арбузова—эту роль она сыграла в Театре-студии киноактера, сыграла после несравненной бабановской Тани и сыграла по-своему, а ведь Бабанова—это Уланова в своем жанре. И тем горше думать мне и об этой несвершившейся судьбе.

— Марина Алексеевна, какой же представляется вам современная героиня? Что обретено, а может, утеряно ею?

— Прежде всего она стала образованной и интеллигентной, не смотрит, подобно свинарке Глаше Новиковой, на окружающую жизнь, как на чудо. Нелепыми кажутся сегодня конфликты, построенные на столкновении города и деревни. А что утеряно? Критики целые конференции этому вопросу посвящают, а вы хотите, чтобы я ответила?! Не знаю, вероятно, без потерь не бывает. Помнится, привлекли меня своей чистотой первые героини Евгении Симоновой, они несли в себе какой-то внутренний свет... И рядом—как открытие—другая актриса. Наталья Гундарева! Вот она воплощает воистину современный характер. У нее нигде нет сантимента, она играет и радость, и горе красками жизнеутверждающими. Вспомните фильм «Вас ожидает гражданка Никанорова» — это женщина, которая никогда не сдает своих позиций. Свободная, волевая, подчинить ее невозможно, и—чуткая. Не случайно увидела-таки она «своего» человека.

— Марина Алексеевна, вы насколько лет назад писали, «что современный экран любит покой, понимая под покоем, конечно, не отсутствие внутреннего движения, не статику, не застылость, но тот подлинный творческий покой, который рождается от величайшей собранности, от внутренней наполненности и уверенности в том, что делаешь...». Как, по-вашему, обстоит с «покоем» сегодня?

— В последнее время актерам предоставлено столько площадок—радио, телевидение, эстрада, клуб, цирковая арена, разве что под куполом еще не выступают. Раньше этого не было, и если в галла-концерте, в котором выступал, скажем, Качалов, появлялась киноактриса, это было событием. А у нас, смотришь, сегодня она рассуждает о творчестве с экран телевизора, завтра играет в спектакле... И я думаю, какие они счастливые!

Диву даешься, как много играют, и играют хорошо, но за бойким умением исчезает неожиданность, рано у

них холодеет душа... Да, но как обстоит с «покоем» сегодня?..

Мне нравится Вертинская в «Безымянной звезде». Колоссальная амплитуда выразительных средств, которые продиктованы внутренним движением, нравственным порывом, у нее все внутри. Это исполнение кажется мне виртуозно прекрасным. Сразу и бесспорно очаровала меня Соловей. Женственная, изящная, глубоко всматривается в роль. Это умная актриса. И как точно ощущает ее возможности режиссер Никита Михалков, которого я обожаю. Я никогда не знаю, какой увижу Соловей, жду от нее неожиданностей, и она никогда не обманывает меня в этом. Терехова напоминает мне артисток, которых я видела в ранней юности,— Андровскую, Зеркалову, она высокого класса актриса, очаровательна в спектакле «Царская охота».

Они все прекрасны. Они несут этот «покой».

— Как с позиций дня сегодняшнего вы оцениваете непреходящий «хэппи энд»—счастливейший жизненный конец—для своих героинь? Устраивает ли он современного зрителя?

— А известно ли вам, что «хэппи энд» сыграть труднее, чем наоборот?! Ведь жизнь еще полна и несчастных судеб. Искусство отражает жизнь, но не всегда своими сюжетами отвечает на многочисленные наши вопросы. После трагедий Шекспира мы остаемся с ощущением познания глубин жизни. Рецептов нет. Зрители сегодня, конечно, видят ту наивность, которую я проповедовала с экрана. Но шла она от внутренней наполненности, предельной искренности. Сиюминутность рождения чувств—вот что должно присутствовать. На сегодняшнем экране это возникает чаще от мастерства.

Помните «Парадокс об актере» Дидро? Уснул по-настоящему на сцене—плохо, плачет настоящими слезами—а его не жалко. Как же идеально должен это процесс осуществляться? Отчего это зависит?

Мне кажется, актер по своему ощущению должен идти по канату, а не ступать крепко по земле. Постоянно должен мучить его вопрос: получится ли? Ни на секунду не должен забывать, что он может оступиться и упасть. А не слишком ли твердо ступают по земле иные наши молодые? Как же возможно это с первых ролей такие дифирамбы, такая реклама? Когда-то Бондарчук получил звание народного артиста СССР за исполнение первой роли—Тараса Шевченко. Но ведь он потрясюще играл! Так что я за настоящие страсти, за пылкость, взволнованность, боль...

— А какая из черт вашего характера доставляла вам больше всего неприятностей?

— Независимость. Помню, мы были с делегацией советских кинематографистов в Париже. Голубой «Экспресс», вагон-ресторан, наш столик. А проходить к этому столу нужно было под взглядами целого «звездного» мира. Ни один жест не ускользал от их внимания. И когда однажды мы уже усаживались, Сергей Юткевич, знавший языки, наклонился ко мне: «Знаешь, Маша, что о тебе сказали, когда мы проходили?» — «Что?» — «Какой у этой русской гордый и независимый вид!» А для жизни независимость—вещь не всегда подходящая. Независима—ну и сиди. Впрочем, мне и сейчас как в жизни, так и в искусстве нравятся люди именно такие...

Беседу вела Н. КАТАЕВА.

18 ДЕНЬ 1930

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
Г. МОСКВА